

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

Я СТАНУ
НОЧНЫМ КОШМАРОМ

Екатерина Островская

Я стану ночным кошмаром

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977234

Екатерина Островская. Я стану ночным кошмаром: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-62514-7

Аннотация

Еще до развода с мужем сотрудница следственного управления Вера Бережная стала любовницей своего шефа. Большой страсти не было, скорее их держала вместе сила привычки... Все закончилось, когда на Веру написали липовый донос, а шеф и не подумал вступиться. Так ее разжаловали в участковые инспекторы... А вскоре произошло убийство, после которого кто-то подбросил в Верин почтовый ящик брелок погибшего мужчины. Она вспомнила: это далеко не первый подобный «подарок»! Раньше среди газет и квитанций Вера уже обнаруживала странные предметы: расческу с выкидным лезвием, мужской галстук... Она терялась в догадках, пока на помощь не пришел сосед убитого, частный детектив Владимир Назаров, – между ним и Верой сразу проскочила искра... Он выяснил: владельцев этих вещей тоже нет в живых! И среди них – ее бывший муж, адвокат Бережной...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	50
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Екатерина Островская

Я стану ночным кошмаром

Глава 1

Вера вошла в приемную и шагнула к двери кабинета Миклашевского. Молоденькая секретарша, разглядывавшая что-то на экране монитора, не повернув головы, бросила:

– Он сейчас занят.

Настенные часы показывали одну минуту одиннадцатого, а Веру начальник вызывал к десяти. Вообще-то она могла войти к Миклашевскому и просто так, прежняя секретарша знала об этом и никаких преград не создавала, а новая, по-видимому, еще не погрузилась с головой во все тайны управления, поэтому и не проявила к вошедшей никакого внимания. Но Вера уже стояла возле двери с табличкой. На столе секретарши запиликала компьютерная мелодия – пасьянс разложился. Девушка откинулась на спинку кожаного кресла, вздохнула удовлетворенно, после чего посмотрела на часы. Их стрелка продвинулась еще на одно деление.

Дверь в кабинете была прикрыта неплотно. Вера слышала, что Иван Севастьянович с кем-то беседует.

– Начальники приходят и уходят, – говорил он, – считай, каждый год новое руководство, а мы с тобой остаемся. Так

что теперь, под любого дурака с генеральскими погонами подстраиваться, стиль работы менять? Помнишь, один такой ежедневно приказы издавал, типа: всем милиционерам купаться только в составе группы. Или: сотруднику ГУВД, имеющему в собственности иномарку, подать заявление об увольнении...

– Еще велел сотрудницам носить юбки не выше середины колена.

Это уже прозвучал другой голос, который показался Вере знакомым. Но с кем беседовал Миклашевский, она вспомнить не могла. Хотя голос был очень знакомым.

– Много хороших кадров мы тогда потеряли, – вздохнул Иван Севастьянович.

Секретарша поднялась из-за стола, подошла к стеллажу и стала на нем что-то искать. Хотя не столько на полку смотрела, сколько разглядывала Веру. От двери пришлось отступить, чтобы девица не подумала, будто Вера подслушивает чужие разговоры.

– У него полковник Горохов, – сообщила секретарша, возвращаясь на место с пустыми руками.

Похоже было, что она поднялась только для того, чтобы показать, какие у нее длинные ноги.

– Хорошая бабенка, – произнес в кабинете голос Горохова. – А как у нее с физической подготовкой?

– Неутомима, – ответил Иван Севастьянович. – Я на тренажере меньше потею.

Вера напряглась: о ком это говорят два сорокалетних полковника?

– А ты что, интерес к ней имеешь? – спросил Миклашевский.

Горохов осторожно покашлял.

– Ну, флаг тебе в руки, – рассмеялся Миклашевский, – мешать не буду.

– А муж у нее есть? – поинтересовался Горохов.

– Да нет, вроде как вдова, мужа ее в прошлом году грохнули. Правда, они уже и не жили вместе... Ты должен помнить тот случай. Известным человеком был – адвокат Бережной.

Вера почувствовала, как кровь прилила к лицу. В кабинете говорили о ней.

Перед государственными экзаменами на юрфаке появились люди в милицейской форме. Они расположились в выделенном им кабинете, куда сотрудницы ректората загоняли парней. Со студентами беседовали и предлагали распределиться по целевому назначению – в милицию, где их с распростертыми объятьями ждет светлое будущее. Почти все отказались, кроме тех, кто с самого начала решил сделать ментовскую карьеру. В основном, конечно, те, у кого отцы всю жизнь ходили в милицейской форме. Или иногородние. Но принявших предложение все равно было немного.

Бережной, разумеется, отказался. Он вышел на лестничную площадку, где его ждала Вера, поцеловал ее, сообщил, что у него встреча в коллегии адвокатов на предмет трудо-

устройства, и побежал вниз. На середине лестницы остановился и крикнул Инне Цигаловой, стоявшей рядом с Верой: – Сейчас Илью трясут. А тот головой кивает. Согласится, вероятно.

– Да пускай, – ответила Инна, – мне-то что.

Илья был ее мужем. Вообще-то Цигаловым был именно он, а Инна первые три курса носила фамилию, данную родителями, – Заморина. Поженились они сразу после свадьбы Бережного и Веры.

Инна приехала из провинции. Снимала маленькую квартиру, переполненную хозяйской рухлядью, и после окончания университета должна была вернуться в родной городок. Ее папа служил там председателем суда и рассчитывал на то, что дипломированная дочь продолжит семейную традицию. Но это судья Заморин думал, что его дочь должна, Инне же очень хотелось остаться в Питере. Так хотелось, что местные парни шарахались от нее. Ну, не совсем шарахались, конечно, да только больше месяца не выдерживали – потому что Инна после ближайшего знакомства начинала говорить о браке. Илья не шарахнулся: он вообще оказался очень выдержанным.

Кстати, в милицию работать Цигалов не пошел, хотя и кивал на собеседовании. Илья начал трудиться в малоизвестной адвокатской конторе, а поскольку специализировался на кафедре хозяйственного права, то все дни пропадал в городском арбитражном суде. Инна устроилась юрисконсультom в

фирму, владеющую сетью универсамов, и не прошло и пяти лет, как стала там заместителем генерального директора по правовым вопросам...

Но тогда, стоя на лестничной площадке факультетской лестницы, она об этом не могла знать. Инна посмотрела, склонившись через перила, как спускается по лестнице Женья Бережной. Смотрела так пристально, что Вере показалось, будто ее подруга выбирает, на кого бы плюнуть сверху.

– И чего я за Женьку не вышла? – задумчиво произнесла Инна.

Потом посмотрела на Веру и рассмеялась.

На нее не получалось обижаться: Заморина была девушкой очень веселой. А вот Илья Цигалов улыбался редко, и становилось непонятно, как они общаются дома. Хотя никто из молодых супругов на семейную жизнь не жаловался. По коридорам факультета Инна с Ильей ходили под ручку.

Вера думала, что ей повезло. Замуж выходила вроде по любви, во всяком случае, так ей тогда казалось. А может, оттого, что Женька был первым парнем в ее жизни, и она боялась его потерять: а вдруг потом никого не будет?

Бережные прожили вместе семь лет. Два года, пока учились, и пять лет после окончания университета. Евгений очень скоро стал популярным адвокатом. Занимался уголовными делами, часто выигрывал процессы, а если и не удавалось отстоять подзащитного, то добивался для него минимального срока или условного. Коллеги наверняка понима-

ли, почему молодой юрист буквально нарасхват, и завидовали. Ну да, ведь не у каждого жена работает в следственном управлении и способна намекнуть родственникам подследственных о существовании в городе адвоката Бережного, чьи услуги, может, и стоят не дешево, но зато результаты бесценны.

Разъехались они без скандалов и ссор, хотя и неожиданно для Веры. Евгений раз не пришел домой ночевать, другой. Говорил, что у него дела в области. Почти с месяц так «ночевал по области», а однажды собрал свои вещи и сказал Вере: «Прости, встретил другую женщину. Я люблю ее».

Простила Вера или нет, она и сама толком не поняла, однако задерживать и уговаривать мужа остаться не стала. Обидно было, конечно. Но не до страданий. К тому же у нее самой имелся постоянный любовник...

Это все будет позже. А тогда, на факультетской лестнице, Цигалова, видимо окончательно решив не плевать в пролет, снова задумчиво произнесла:

– Если бы я хотела...

Но тут на площадку вышел моложавый милицейский подполковник. Высокий и крепкий. Он достал из кармана пачку сигарет и закурил.

– Вы читать умеете? – спросила его Инна и показала на табличку с надписью «Не курить».

Подполковник никак не отреагировал и уставился на Веру.

– Вы тоже заканчиваете в этом году? – спросил он, выпустив в сторону таблички облако табачного дыма.

Вера молча кивнула.

– Хотите распределиться в пресс-центр ГУВД? Работа не пыльная: давать интервью телеканалам о криминогенной обстановке, участвовать в передачах, в ток-шоу разных.

– Не знаю, – пожалала плечами Вера, – я не думала об этом.

– Подумайте, – обронил подполковник.

Бросил окурок в урну и хотел уйти, но остановился, достал из кармана визитку и протянул Вере.

– Думайте быстрее, – сказал он. – В пресс-центр срочно требуется симпатичная сотрудница, чтобы стать лицом ГУВД.

На визитке под золотым гербом России было напечатано: «Заместитель начальника следственного управления Миклашевский Иван Севастьянович».

Вера позвонила через два дня. Вообще-то не хотела, но муж уговорил.

Лицо городскому управлению внутренних дел уже не требовалось. Правда, это выяснилось уже при личной встрече с Миклашевским. Узнав об этом, Вера не расстроилась. А Иван Севастьянович предложил ей должность в своем отделе. И Вера, посоветовавшись с мужем, согласилась. Полгода ее обучали на курсах при Академии МВД всяким премудростям, а потом назначили следователем, после чего дела у адвоката Бережного резко пошли в гору.

Евгений был красивым мужчиной, причем без слащавости, и очень обаятельным. Он с серьезным и строгим лицом разговаривал с клиентами, запугивал их, а потом улыбался: «Не переживайте – все будет хорошо. Вы у меня не первый такой». Или: «Не первая». Улыбался так, что все ему верили безоговорочно. И адвокат не подводил. Так довольно быстро возникла и пошла гулять о нем людская молва как о человеке, способном решить любой вопрос с судом.

Кстати, новая женщина была старше Евгения на три года и возглавляла как раз один из районных судов. Жили они не вместе, потому что у нее имелась десятилетняя дочь от первого брака. К тому же и сам Бережной не спешил подавать на развод. Вера тоже не спешила, хотя понимала прекрасно, что Женька не вернется. И, вероятно, не хотела этого. Ее связь с Миклашевским продолжалась.

Иван Севастьянович (начальник уже стал полковником) заезжал к ней иногда после работы. На ночь оставался не часто – раз в месяц или того реже. Со своей женой разводиться мужчина не собирался, а любил ли Веру – неизвестно. И вот сейчас, стоя в его предбаннике и случайно услышав голоса в кабинете, она поняла, что не любил. Ведь фактически уступил ее полковнику Горохову, который руководит в ГУ-ВД воспитательной работой.

Бережной еще перед тем, как уйти от Веры, купил для себя квартиру в центре города. Квартира была большой и об-

ставлена шикарной мебелью. Вера, правда, не бывала там ни разу. Это уже потом, когда Евгений погиб год назад, следователь Евдокимов, который прибыл туда по вызову, восторженно отзывался об обстановке. Жилплощадь могла бы перейти в собственность Веры, поскольку брак расторгнут не был, но Бережной предусмотрительно оформил покупку на свою мать.

Полицию вызвала секретарша Бережного, которая, не дозвонившись до босса, почему-то не явившегося в контору, поспешила к нему домой. Запасной комплект ключей от квартиры адвоката лежал в его рабочем столе. Девушка взяла связку, приехала, вошла внутрь и – потеряла сознание. Очнувшись, выскочила поскорее вон, подальше от страшного места, и только тогда набрала номер экстренного вызова. Прибывшие полицейские обнаружили ее в машине – быющую в истерике.

Труп Бережного лежал на постели, прикованный наручниками к ажурным металлическим спинкам кровати. На теле обнаружили более сотни резаных и колотых ран. Эксперты позже сказали, что их наносил человек, обладающий познаниями в медицине, потому что раны были глубокими и не смертельными: все они причиняли боль и мучения. Скорее всего, адвокат медленно умирал от потери крови, а тот, кто нанес раны, вероятно, сидел рядом и наблюдал за его страданиями. Хотя следствие предположило, что убийц было несколько, ведь Евгений Евгеньевич был молодым и фи-

зически развитым человеком, а значит, не дал бы так просто скрутить и приковать себя к кровати.

Версий рассматривалось несколько. Основной, конечно, была та, что причиной убийства стала профессиональная деятельность известного юриста. Хотя верилось в это с трудом, потому что недовольных его защитой клиентов не было. А с другой стороны, по словам сожительницы Бережного, той самой женщины-судьи, из квартиры ничего ценного не пропало. А в ящике комода в спальне при осмотре обнаружили деньги в рублях и валюте на общую сумму более полусотни тысяч евро.

Вера тоже давала показания и тоже не могла понять, кто мог убить ее бывшего мужа. Для себя она решила, что это месть за личные пристрастия Женьки – тот был охоч до женского пола. Если бы Вера сама занималась расследованием, то первым делом проверила бы секретаршу, а еще входящие и исходящие звонки на телефонах Бережного, плюс записи в ежедневнике. Но дело вела не она. Следователь Евдокимов наверняка сделал все как надо, однако прошел год, а личность убийц до сих пор так и не установлена.

Когда следователь беседовал с Верой, ей пришлось сказать об измене мужа. И о том, что у нее не только не было ключей от квартиры Бережного, но и что они вообще не виделись с супругом более трех месяцев. Еще Вера заявила, что они с Евгением никогда не ревновали друг друга и скандалов на этой почве у них не было. А следователь поделил-

ся с Верой, как с коллегой, своими сомнениями. Он вполне резонно полагал, что посторонним людям Бережной вряд ли бы открыл дверь, следов же взлома обнаружить не удалось. Про судью, любовницу убитого адвоката, Евдокимов знал. Только это знание ничего не добавило следствию. Не подозревать же в жестоком убийстве женщину, которой государство гарантировало неприкосновенность и которая сама олицетворяет правосудие.

На похороны бывшего мужа Вера пошла и утешала бывшую свекровь. А вот судьи на кладбище не было.

Глава 2

Дверь кабинета отворилась, и в приемную вышел полковник Горохов. Вера постаралась отвернуться, чтобы не встретиться с ним взглядом, и почувствовала, как в ней закипает обида и злость. Самое противное, что, в подобных случаях и когда узнавала слухи о себе, она краснела.

– Меня никто не разыскивал? – поинтересовался Горохов у секретарши. – А то я предупредил, что буду у Миклашевского.

– Никто, – тряхнула прической девица.

– Ну, будем считать, что ничего страшного не случилось.

«Интересно, что могло случиться страшного в отделе воспитательной работы?» – усмехнулась про себя Вера.

– А ты чего такая розовенькая? – обратился к ней Горохов. – Такая вся румяняенькая...

«На себя посмотри!» – мысленно ответила Вера, а вслух произнесла:

– Душно здесь.

Горохов был рыжим и краснорожим. В Академии МВД, где он читал лекции, курсанты называли его поросенком.

– Прямо светишься вся, – продолжал «клеить» Веру полковник-воспитатель.

– Мне можно идти? – спросила она.

– Конечно, конечно, – улыбнулся Горохов. – У нас, наде-

юсь, еще будет время приятно пообщаться.

Вера вошла в кабинет Миклашевского и плотно прикрыла за собой дверь.

Иван Севастьянович даже не привстал со своего кресла. В своем кабинете он всегда разговаривал с ней как с остальными подчиненными, словно боялся, что его могут услышать посторонние. А вот в ее кабинете мог позволить себе иногда расслабиться, предварительно попросив Веру запереть дверь на ключ.

– Присаживайся, – кивнул полковник и указал на стул возле стола для заседаний.

Потом еще какое-то время рассматривал ее. Не улыбался, не подмигивал, как обычно, когда они оставались наедине.

– Ладно, – наконец выдал из себя Иван Севастьянович, – начну с самого главного. Ты вела дело студента Лиусского, которого с наркотой в клубе взяли?

– Вы же знаете.

– Ну, да, – кивнул Миклашевский, – прокурор закрыл дело по твоему представлению. Только мать этого урода написала письмо министру, мол, наркотики ее сыну подкинули полицейские, следствие велось недопустимыми методами, а потом следователь потребовала пять тысяч евро за закрытие дела.

– Чушь! Вы ведь в курсе, я освободила парня под подписку после того, как ко мне явился его отец и совал под нос удостоверение помощника депутата Госдумы. А дело закры-

да, потому что уж очень многие просили.

Вера замолчала. Не напоминать же Ивану Севастьяновичу, что именно он и просил за студента. Говорил, что проще парня отпустить. А то как бы не вляпаться в неприятную ситуацию, поскольку Лиусский-старший является не только помощником депутата, но и активным членом одной из оппозиционных партий.

Миклашевский, естественно, помнил это. И сейчас вздохнул, перед тем как заговорить вновь.

– Министр приказал разобраться, найти виновных и примерно наказать. Меня и Горохова с утра вызывали на ковер, пытались... Как бы сказать помягче? – полковник неопределенно хмыкнул. – Короче, приказано было начать служебное расследование, тебя отстранить от всех дел, а по окончании расследования уволить. Вот так, понимаешь ли, был поставлен вопрос.

– Но я...

Иван Севастьянович не дал ей договорить.

– Мы с Гороховым тебя отстаивали. Учти это. Особенно Горохов старался. Но все равно решено отстранить тебя от следственной работы и отправить в райотдел для перевоспитания. Вроде как поработаешь «на земле» и начнешь ценить свое место в управлении. Но это временно, не волнуйся, через годик верну тебя в твой кабинет. Потом раскроешь какое-нибудь громкое дело и, я обещаю, получишь майора досрочно. Но пока...

– А я могу обжаловать приказ и сама потребовать служебного расследования? И еще хочу возбудить дело против гражданки Лиусской – о клевете.

Миклашевский покачал головой.

– Ничего ты не можешь, решение уже принято. Стерва-мамаша в своем письме сообщила, что ее сын лично передал следователю Бережной пять тысяч евро, которые та потребовала у него для закрытия дела. И, мол, теперь она, зная, что ее мальчик не причастен ни к какому преступлению, решила наказать жуликов и воров в погонах. Эта баба даже справку от врача принесла, что Лиусскому-младшему было выписано лекарство для усиления внимания, так как юноша страдал от переутомления в институте, а в состав препарата входит амфетамин.

– Министр разве не понимает, как это глупо звучит: следователь специально встречается с подследственным, отпущенным под подписку, вымогает у него деньги, зная, что у девятнадцатилетнего студента их нет? Если бы я действительно захотела получить «отступные», то уж, наверное, намекнула бы об этом его далеко не бедствующим родителям. Отец его, кстати, предлагал взятку, но я отказалась.

– Да министру плевать, права ты или нет, ему главное отчитаться, что он борется с оборотнями в погонах. Все сотрудники центрального аппарата министерства давно миллионеры, а он борется с теми, кто...

Миклашевский не договорил. Наклонился и достал из-

под стола бутылку коньяка.

– Хочешь рюмочку?

Вера покачала головой.

Иван Севастьянович подумал немного и убрал коньяк обратно.

– Ну, тогда и я не буду.

– Куда ж меня теперь? – спросила Вера.

– Переводим в твой район. Будешь рядом с домом работать. Зато время на дорогу тратить не придется. А то каждый день, почитай, два часа без малого уходило на метро да маршрутки. И потом...

Полковник не договорил.

– Я могу идти?

Миклашевский кивнул.

Вера поднялась и направилась к двери.

– Так у тебя ж день рождения завтра! – вспомнил начальник. – Может, отметим это дело, а заодно о будущем твоём побеседуем? Вдвоем посидим, как в прошлом году. Еще можно Горохова пригласить, он ведь тоже участие в твоей судьбе принял. Мы бы вдвоем поздравили тебя.

– В прошлом году я с подругой и ее мужем день рождения отмечала, вы были в командировке. Так что и сейчас я сама как-нибудь, без Горохова...

Секретарша продолжала пялиться в монитор. Вера вышла из приемной и остановилась, словно не зная, куда идти.

– Привет! – сказал кто-то, проходя мимо.

Это был майор Евдокимов.

Вера не ответила, и следователь остановился.

– Говорят, тебя в райотдел переводят?

Она кивнула.

– С чего вдруг? – удивился майор. И перешел на шепот: –

С Миклашевским поругались?

– Да пошли они все! – ответила Вера.

Противно, когда все про тебя знают больше, чем ты сама.

Резко развернувшись, она пошла по коридору, вспоминая то пресловутое дело.

Студента Лиусского взяли охранники ночного клуба. Они и вызвали полицию. Досмотр проводили в присутствии понятых. В карманах задержанного были обнаружены с полсотни таблеток экстази. Первый допрос проводил дежурный следователь из райотдела. А потом простое, в сущности, дело передали в городское управление. Вера и сама не могла понять почему. Но ей, разумеется, не объяснили.

Студент вел себя нагло. Сначала, как и дежурному следователю, он сообщил Вере, что экстази ему подбросили охранники клуба, которым не понравилось его лицо. Потом изменил показания, заявил, будто наркотики подбросили прибывшие полицейские, которые затем, по пути в райотдел, вымогали у него деньги и обещали отпустить.

Вера, перед которой уже лежал акт экспертизы, где было сказано, что в моче Артема Лиусского обнаружено значи-

тельное содержание амфетамина, спросила:

– Зачем охранникам и полицейским подбрасывать тебе товар, который денег стоит? Чем ты всем так насолил?

– Потому что все они – козлы, – был ответ.

Через двое суток Вера отпустила задержанного под подписку. А вскоре Миклашевский и вовсе приказал ей закрыть дело, чтобы не связываться с депутатскими запросами и проверками. Теперь она же и оказалась виновата. А еще хуже, что непосредственный начальник и давний любовник в одном лице не сумел отстоять ее.

Она уже работала под его началом, когда это произошло. В День милиции, который руководство отмечало вместе с подчиненными в концертном зале, Миклашевский пригласил Веру на фуршет. Не одну, разумеется, с еще парочкой следователей – для отвода глаз. Потом предложил подвезти ее домой на своем служебном автомобиле. И в машине, не стесняясь присутствия водителя, заговорил о своих чувствах. Шутил при этом, и Вера тоже смеялась, думая, что на следующий день начальство протрезвеет и все забудется.

Поначалу казалось, что так и есть. Но через пару недель Иван Севастьянович в приказном порядке предложил ей разбавить мужскую компанию в ресторане – Миклашевский отмечал какое-то событие в кругу друзей. Было пятеро мужчин, в том числе и полковник Горохов. Но Горохов почти сразу ушел, а следом и остальные. В тот вечер Иван Сева-

Севастьянович опять повез ее домой. И снова завел разговор о любви. Обнял ее, полез целоваться. Ну не бить же начальство по лицу, не царапать же ногтями лицо руководства?

— Я с первого взгляда, как тебя увидел, потерял голову, — шептал Миклашевский, задыхаясь от страсти.

Водитель делал вид, будто внимательно наблюдает за дорогой.

На следующий день Иван Севастьянович снова держал себя так, словно забыл о произошедшем накануне. Хотя ничего и не было, поцелуи, и только.

Накануне вечером она вбежала в квартиру, боясь, что Бережной посмотрит на нее и обо всем догадается. Но Евгения дома не было. Он появился лишь в два часа ночи, и от него сильно пахло шампанским. Перед тем как лечь в постель, в которой притворялась спящей Вера, муж долго плескался в душе, а потом осторожненько, стараясь не разбудить жену, пробрался под одеяло и затих. Вера боялась, что Бережной сейчас обнимет ее, поцелует, а у нее не получится ему ответить, потому что незадолго до этого целовалась с Миклашевским. Но Женька быстро заснул, и Вера лежала, думая о том, какая она плохая жена.

Миклашевский не то чтобы не нравился ей. Как раз наоборот. Полковник высок и плечист, один из тех мужчин, на которых заглядываются женщины, чувствуя в них силу и уверенность. Он и был сильный и уверенный в себе мужчина. И внимательный руководитель — никогда не орал на под-

чиненных, не унижал. По крайней мере, при Вере. Но Вера не любила его. А потому, уже засыпая, подумала, что завтра с утра, а может, не с утра, но в течение дня обязательно увидится с Иваном Севастьяновичем и объяснит ему, что замужем, что любит мужа и не собирается обманывать его. Так она решила и сразу заснула. Хотя нет, не сразу, потому что еще успела вспомнить: а ведь мужа-то тоже не любит. И, кстати, стоило спросить Женьку, где и с кем тот пил шампанское до двух ночи, отключив мобильный телефон.

Утром, конечно, Вера не встретила с Миклашевским. Вообще не видела его ни в этот день, ни на следующий. Когда наконец столкнулась с полковником в столовой управления, просто кивнула. А перед Новым годом случилось то, что должно было случиться.

Наступление праздника отмечали всем коллективом в ресторане. Иван Севастьянович танцевал с Верой. И не только с ней, опять, для конспирации, приглашал других сотрудниц. Но во время очередного танца шепнул ей, чтобы никуда после банкета не исчезала, потому что опять довезет ее домой и сдаст на руки мужу.

– Меня не придется нести на руках, я не напиваюсь никогда, – шутливо ответила Вера. Потом зачем-то добавила: – И потом, мужа нет дома, уехал на все праздники в Москву, где у него какое-то дело.

Насчет своей стойкости к алкоголю она просчиталась, и то, что случилось позже, произошло как бы вне ее сознания.

Нет, она все осознала и не забыла потом ничего, но уж как-то естественно это случилось. Причем у нее дома. Иван Севастьянович дышал хрипло и громко, хлопал ее ладонями по бедрам и ягодицам, сам вздрагивал при этом, словно хлестали его, задыхался и сжимал в кулаках ее волосы. Вера задыхалась тоже, спеша куда-то, и не понимала, нравится ей то, что с ней делают сейчас, или нет. Муж был осторожным, ласковым в постели, а полковник Миклашевский грубым и властным. Потом он уснул на спине, не прикрыв наготы.

Вера поднялась с кровати и направилась на кухню. Открыла холодильник и достала бутылку шампанского. Открыла вино, наполнила бокал и начала размышлять. Конечно, то, что она сделала, очень плохо по отношению к мужу. Однако, с другой стороны, разве у нее есть уверенность, что Евгений не бегаёт налево? Уверенности не было. И все-таки до сих пор Вера считала, что сама-то не сможет изменить мужу, потому что тогда перестанет себя уважать. Но вот же, изменила, и уважение к себе никуда не делось. То есть где-то в глубине царапала мысль, что не стоило этого делать с начальником, но если подумать, то чего уж там, случилось и случилось. Может быть, и не повторится больше. А раз так, то надо забыть обо всем, в том числе и об угрызениях совести. Совесть просыпается, когда винишь себя в чем-нибудь, совершенном по отношению к человеку, который не заслужил измены или подлости. Но если муж изменял, то, значит, к нему вернулось то, что он делал по отношению к ней.

Вера сделала глоток шампанского, скривилась и отставила бокал. Ладно, потом выпьет, позже, и вино уже не будет казаться отвратительным и горьким. Ну, не предполагала она своих будущих измен, это ведь не означает, будто их не будет никогда. К тому же это был просто секс. Подумав так, Вера напряглась. «Надо же, я так спокойно разделяю секс и любовь. Выходит, никогда не любила Бережного, и все, что происходило между нами в постели, было без любви. А раз так, то чем нынешняя ночь отличается от всех предыдущих? Только тем, что у меня есть штамп в паспорте. Чего ради я должна быть верной женой человека, которого не любила и не люблю? Да, мы живем с ним – как двое друзей, как сокурсники, которые сошлись во время учебы. Но то время прошло, и эти два человека уже ничего не могут дать друг другу, но продолжают жить вместе, обманывая себя и весь мир».

В коридоре прошлепали босые ступни. На пороге кухни появился голый мускулистый Миклашевский. Пригладил ладонью взъерошенные волосы.

– А чего это ты одна? Мне тоже шампусика плесни.

Вера поднялась за вторым бокалом, нисколько не стесняясь того, что на ней тоже нет никакой одежды.

– Если тебя мучает совесть, – неожиданно произнес Иван Севастьянович, – типа того, что мужу изменила, забудь. Все рано или поздно так делают. А те, кто не решился, жалеют потом. Хотя, может, и не жалеют, но жизнь у них все равно

пресная. И потом, кто может судить другого? Только тот, кто сам без греха.

Он опустил за стол, взял бокал, залпом выпил. Вытер губы тыльной стороной ладони и сказал:

– Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время любить и время ненавидеть, время жить и время умирать.

– Вы это к чему? – не поняла Вера.

– Во-первых, не «вы», а «ты» – за пределами управления, естественно. А во-вторых, мы сами отвечаем за поступки, которые совершаем. А потому бóльшим преступлением будет, если мы отбросим в сторону, словно камень, то, что нам сейчас необходимо, а потом отправимся собирать камни и не найдем ни одного.

Что именно хотел сказать Миклашевский, тогда Вера не поняла. Вероятно, имел в виду что-то личное. У него ведь была семья, дочь и жена, школьная учительница.

Вероятно, он любил Веру в тот момент, когда произносил слова про камни. А возможно, его накрыла страсть. Но все равно закончилось это подлостью.

Когда Иван Севастьянович охладел к ней, Вера не помнила уже. Они продолжали встречаться, но их встречи стали походить на обязательные ночные дежурства. Миклашевский повторял одни и те же фразы о любви и в постели делал одно и то же, с той же выученной когда-то показной страстью.

Глава 3

Того, что ей предложат стать участковым инспектором, Вера не могла и предположить. Но начальник районного управления объяснил, что другой должности для нее нет – таково распоряжение кадровика. К тому же, по мнению нового начальника, Вере необходимо общение с простыми людьми, чтобы узнать их жизнь, чаяния и настроения. Судя по всему, ему доложили об отношениях между Бережной и ее прежним начальником.

Участок, который достался Вере, был не совсем уж незнакомым. Здесь находился ее дом, так что некоторых людей из проживающих здесь тысяч она знала. Многие знали и ее, причем даже не догадываясь, что она служит в полиции. Теперь узнают, потому что надо будет постоянно носить форму, совершать обходы территории и общаться с жителями микрорайона.

Прежний участковый передал ей журналы приема граждан и заявлений. Показал альбомы с фотографиями проживающих на территории рецидивистов и людей, склонных к правонарушениям.

– Это мое «нау хоу», – сказал он. – Я в паспортном столе договорился, и мне все фотки тех, кто паспорта получает, передают.

– Ноу-хау, – поправила Вера.

– Да какая разница! – отмахнулся сорокалетний майор. – Главное, что фотки необходимы. Я, например, тщательно изучаю их. А потом иду по улице и знаю, кто мне навстречу попадает. Они, может быть, и не видели меня ни разу, а мне известно, что, скажем, Петр Петрович Петров, тридцати восьми лет, сменил за год три работы и спит с дамочкой из девяносто первой квартиры соседнего дома.

– Эти сведения вы тоже в паспортном столе получаете? – поинтересовалась Вера.

– Нет, конечно. У меня целая сеть информаторов. И все добровольно работают... то есть работали на меня. Кого-то прижму за дебош и обещаю посадить. Мол, могу завести дело об административном правонарушении, а могу и не заводить. Напекаю на такие свои возможности и в обмен прошу информацию. Никто пока не отказал.

Участковый мог говорить что угодно, но Вера уже знала, за что майора сняли с должности. Шестнадцатилетняя школьница подала заявление о том, что ее задержал полицейский, привел в свое помещение и, угрожая отправить в вытрезвитель, сообщить родителям и по месту учебы, хотя она выпила всего одну баночку джина с тоником, вступил с ней в связь в противозаконной форме. Бредовое заявление в отделении приняли, но не регистрировали. А через пару недель заместитель начальника отдела, проезжая поздним вечером мимо дома, где находился кабинет участкового, вспомнил о нем и решил заглянуть, чтобы посмеяться

вместе. Дверь оказалась не заперта, зам по уголовному розыску вошел и застал именно то, о чем писала в своем заявлении школьница. Правда, на сей раз участковому попалась проживающая без регистрации юная молдаванка, но это дела не меняло. Молдаванку выслали на родину, а майора решили перевести в другой район, где девушек-нелегалок, кстати, проживало еще больше.

В кабинете было грязно, на каждом из двух столов стояли консервные банки, наполненные окурками, а на нижней полке шкафа для документации прятался полиэтиленовый мешок с пустыми пивными и водочными бутылками. На стене рядом с портретом президента России висел приклеенный скотчем древний, пожелтевший от возраста, плакат – двое милиционеров ведут под руки небритого мужчину в ватнике и кепке. По всему изображению – огромным красным курсивом надпись «Моя милиция меня бережет!».

Участковый кинул взгляд на плакат, словно прощался с ним, и произнес с облегчением:

– В уголовный розыск меня переводят. Наконец-то начальство вспомнило, что я начинал опером. А вам желаю удачи. Если захотите помыть здесь все, то швабры, ведра и все такое прочее в стенном шкафчике в прихожей. Только самой корячиться не надо, возьмите бомжиху какую-нибудь, они не отказываются. Пива пообещаете, любая из них языком весь пол вылизет.

– Сама управлюсь, – ответила Вера, которой общение с

отставным участковым уже стало надоедать.

Майор собрался уходить, как вдруг на столе зазвонил телефон. Участковый замер, рассчитывая, что трубку снимет Вера, но она сделала вид, что изучает журнал регистрации обращений граждан. Пришлось ему возвращаться от порога и отвечать самому.

– Не, – сказал участковый в трубку, – это не ко мне. Теперь участок на другом работнике числится, вот вы ей и втолковывайте, пусть она по вашим вызовам мотается. Кто, кто... Не понял, что ли? Теперь здесь баба участковая.

Майор покосился на Веру и шепнул в трубку:

– То есть девушка.

Разговор был закончен.

Бывший хозяин кабинета потоптался немного, а потом сказал:

– На убийство вас вызывают. На соседней улице произошло. Через двор три минуты пехом. Надо обеспечить оцепление, соседей опросить и... Да чего мне вас учить, сами в курсе, что надо делать.

Убили мужчину, который поднимался по лестнице к своей квартире. Лестница была глухая, ею пользовались лишь те, кто жил на втором и третьем этажах. А все остальные жильцы, только когда ломался лифт.

Подойдя к дому, Вера увидела машину полиции. На крыльце курил следователь районного управления, которого

она встречала прежде. Правда, не помнила его фамилию.

– О! – обрадовался знакомому лицу следователь. – А вы что здесь делаете?

Услышав, что Вера теперь местный участковый, не поверил:

– Да неужели? За что же это вас с небес, как говорится, и сразу в наше дерьмо?

Они поднимались вместе по лестнице, и следователь все не мог успокоиться:

– Я когда первый раз вас увидел на совещании следственных работников, помню, сильно удивился. Ну что может у нас делать такая гламурная девушка? Даже поинтересовался, кто вы такая.

– И что же вам ответили?

– Не помню уже точно, – вывернулся следователь. – Вроде что следователь из городского управления и по совместительству жена того самого адвоката, который всю нашу работу в судах псу под хвост пускает. Его не так давно грохнули, говорят.

– Это и в самом деле был мой муж, – призналась Вера.

– Тогда простите.

Следователь остановился и протянул руку.

– Моя фамилия Карасев. Честно говоря, даже не думал, что придется с вами вот так...

Вера ответила на рукопожатие и сказала, что в скором времени рассчитывает вернуться в управление.

Следователь снова пошагал вверх по лестнице и вдруг произнес, не оборачиваясь:

– Никогда не знаешь, что будет завтра. Думаешь, карьера, то да се, а с тобой что угодно могут сделать. Хотя какая у нас карьера – мутотень одна!

Возле тела уже работали эксперты и фотограф.

Пятна крови были на ступенях лестницы и на стенах. Вера отвернулась. Спутник заметил это и предложил:

– Вы пойдите с народом пообщайтесь. Может, кто и видел чего.

Никто ничего не видел, как оказалось. То есть кто-то видел, как сосед подъехал на машине, оставил ее на дворовой парковке и направился к дому. Все. Незнакомых или подозрительных людей соседи не заметили. Машин посторонних тоже. И это было очень странно.

Убитый был ограблен. По крайней мере, в его карманах не обнаружили ни документов, ни денег. Ключа от машины тоже, хотя сама машина продолжала стоять во дворе.

Кто-то из опрошенных сообщил, где проживал погибший. Вера поднялась на нужный этаж, позвонила, подождала, прислушиваясь. Но внутри квартиры, судя по всему, никого не было.

И тут же отворилась соседняя дверь, на пороге появилась старуха. Вероятно, она давно уже наблюдала в глазок.

– Из милиции, что ли? – спросила она.

Вера кивнула. И тут же поправила:

– Из полиции.

– За соседом пришли?

– А есть за что его брать?

Бабка пожала плечами.

– Кто ж вас знает, что у вас на уме. Хорошие люди в полицаи не идут.

– А сосед ваш был хорошим человеком?

Старуха, доморощенная философия, пропустив мимо ушей слово «был», снова пожала плечами и ответила на вопрос своим вопросом:

– А где вы сейчас видели хороших людей?

Потом вдруг опомнилась.

– С ним что-то случилось?

– Убили, – произнес подошедший Карасев.

Похоже, печальное известие не произвело на бабку особого впечатления.

– Ничего такого про соседа не знаю, – тут же заявила она. – Скрытным был. И нервным. Когда из дому выходил и видел, что у подъезда дети курят или пиво пьют, всегда ругаться начинал. Лично присутствовала при этом неоднократно. Сам-то он не курил и не пил.

Бабулька вдруг задумалась, похоже, размышляла, стоит ли говорить, а потом все же выложила:

– Да он и не мужиком был, а... ну, как его... Простите, забыла, как по-научному сказать. Знаю, конечно, как это называется, только неприлично произносить.

– Ваш сосед был геем? – уточнил Карасев.

Старуха снова задумалась, словно такое слово слышала впервые.

– Не знаю, я другое имела в виду. К нему парни молоденькие приходили. Я через глазок видела. Прямо как девчонки – тоненькие, волосы длинные. Однажды зашла в лифт, а следом девица. Говорю ей: «Какой тебе нажимать?» А она отвечает: «Третий». Мне тоже на третий надо, но говорю ей: «Тебе-то, молоденькой, и пешком так невысоко подняться можно». – «Вот сама и ходи», – огрызнулась девчонка. А голос-то мужской! Я даже испугалась. Вам описать, как она... то есть как он выглядел?

Бабулька охотно согласилась быть понятой. Оказалось даже, что у нее есть ключи от квартиры убитого – сосед оставил ей запасную связку на всякий случай, если вдруг свои потеряет и не сможет попасть домой. Почему так сделал, она не знала, вероятно, от того, что с другими жильцами на этаже даже не здоровался. Кстати, у других соседей есть дети. А в одной квартире никто не живет, то есть не жил...

Старушка все говорила и говорила, не могла остановиться.

Какое-то время ждали, пока закончат свою работу эксперты. От нечего делать Вера разговаривала со старой соседкой, слушая ту вполуха. Та ничего интересного больше не сообщила. Вскоре вся оперативно-следственная бригада собралась на площадке. Вере поручили найти еще одного понято-

го, и тут очень вовремя подошла кабина лифта, на площадку вышел молодой мужчина в спортивной куртке.

– Вы здесь проживаете? – обратилась к нему Вера.

– Снимаю квартиру, – кивнул тот. – И проживаю, соответственно, уже вторую неделю.

– Нам нужен понятой. Не откажетесь?

Сосед задумался на пару мгновений, а потом кивнул:

– Раз надо – значит надо.

В квартире не было ничего интересного. Обычная двушка. Такая же, как и у Веры, если не считать перепланировки, увеличившей площадь санузла. Убитый, видимо, незадолго до смерти сделал ремонт – теперь в его ванной уместилось огромное джакузи с двумя подголовниками, двумя откидными сиденьями и двумя душевыми стойками. А на одной из стен спальни вместо обоев был огромный постер с репродукцией картины Петрова-Водкина «Купание красного коня».

Старуха-соседка, глянув на голого мальчика, сидящего на лошади, плюнула в сторону:

– Знала бы я, что с таким гадом рядом живу, сама б его задушила.

Вера стояла и не знала, что ей делать. Она впервые прибыла на место преступления как лицо постороннее, не участвующее в оперативно-следственных мероприятиях. Правда, иногда Карасев, словно проверяя правильность своих действий, обращивался к ней и произносил что-нибудь, напри-

мер:

– Личность убитого установлена... сейчас надо бы узнать о наличии родственников у потерпевшего...

– Постарайтесь выяснить, приватизирована ли квартира и кто наследует ее после смерти владельца, – подсказала Вера.

Стоявший невдалеке от нее сосед, согласившийся стать понятым, удивленно наблюдал за этим, а потом не выдержал и спросил:

– Почему они докладывают вам, словно отчитываются перед начальством? Ведь вы простой участковый инспектор.

– До вчерашнего дня я работала в городском следственном управлении, – пояснила Вера. И поинтересовалась на всякий случай: – А вы кем трудитесь?

– Я частный детектив, – ответил мужчина, снимающий квартиру.

К своему дому Вера подошла в десятом часу вечера. Конечно, случались дни, когда она возвращалась еще позже, но сегодняшний оказался особенно тяжелым – может, оттого, что был первым на ее новом пути, а может, потому, что пришлось много ходить. А скорее всего, на нее так повлияли ложное обвинение и незаслуженное увольнение. Она лишилась не только привычной работы, но и своего кабинета, который уже считала вторым своим домом – там было знакомо все и все казалось родным: и запах, и вид из окна, и скрип стула, и каждая пылинка на полке со служебной лите-

ратурой. Хотя пыли особой никогда и не было вроде – Вера следила за этим.

У подъезда стояли несколько подростков лет четырнадцати, и среди них парочка девочек. Все пили пиво. Подойдя к ним, Вера сказала:

– Ребята, расходитесь по домам, время позднее.

– Сейчас, – ответил кто-то.

Вера подошла к двери и услышала за спиной:

– Что за тетка?

– Да хрен ее знает, – ответил детский голос. – Форму нацепила и думает, что может командовать.

Почтовый ящик был забит рекламными буклетами и флерами. Вера достала эту макулатуру и хотела уже выбросить в картонную коробку, приспособленную жильцами именно для этой цели, но, проведя пальцами по дну ящика, нащупала там еще что-то. Это оказалась связка ключей. Вернее, на кольцо висели два ключа и круглый брелок с изображением Сизифа, толкающего в гору камень. Вера внимательно осмотрела брелок, открыла и вынула батарейку. Потом вставила обратно. Когда-то такой же был у Бережного. Связку ключей не надо было искать по всему дому, достаточно было негромко свистнуть, и брелок отзывался мелодией.

Вера зашла в лифт, нажала кнопку своего этажа и едва слышно присвистнула. Брелок начал пикиать мелодию из «Крестного отца».

Глава 4

Когда-то Вера вела дневник. Начала описывать происходящее с ней еще в детстве, но потом забросила это дело. А в восьмом классе снова решила записывать свои мысли и ощущения. Разумеется, не каждый день, а лишь когда ей в голову приходило нечто умное, значительное, похожее на афоризм. В студенческие годы специально купила для этого толстую тетрадь в кожаной обложке. Заполнила больше сотни страниц, на которых описала свое знакомство с Евгением Бережным и то, что другого мужа она себе и представить не может. А после свадьбы внесла в дневник лишь одно слово: «Свершилось!» и убрала тетрадку, как ненужную вещь.

Позже, работая уже следователем, отыскала дневник, перелистала и по старой памяти записала: «Вчера была в доме, где произошло убийство. Хозяина квартиры обнаружили повешенным на крюке для люстры. Почему-то все сразу решили, что он сам свел счеты с жизнью. Мертвое тело пугает, и смотреть на то, что еще совсем недавно было живым, неприятно. Особенно страшно оттого, что я была знакома с этим человеком – училась с ним в одной школе. Я была в восьмом, а он в десятом. Помню, как мы танцевали с ним на школьном вечере. Парень пытался казаться мне опытным и знающим то, что известно лишь взрослым мужчинам. Потом провожал меня домой, и мы целовались с ним на темной

детской площадке. Потом попросил сделать то, на что я согласиться не могла. Мальчик обиделся и, перед тем как убежать, грубо оскорбил меня. Впрочем, я, кажется, уже писала об этом в своем дневнике (см. школьную тетрадь)».

Удивительно, но все эти тетрадочки у Веры сохранились – лежали в обувной коробке на антресолях. Однажды она решила показать их Бережному, но тот, начав читать, как раз школьную, вдруг начал смеяться. После недолгой борьбы Вера отняла дневник, хотела его тут же уничтожить вместе с остальными, но то ли забыла это сделать, то ли передумала.

«Теперь мне кажется, – продолжала писать взрослая Вера, – что тот десятиклассник был девственником. А меня он выбрал для того, чтобы стать мужчиной, вероятно, потому, что почувствовал – я на него, как тогда говорилось, запала. Парень и в самом деле нравился мне. А сегодня я увидела его вынутым из петли, в домашних мятых брюках и несвежей майке, на которой были старые, не отстиранные пятна от кетчупа».

Следующую запись она сделала через пару дней:

«Эксперты определили, что это не было самоубийством. Интересно, кто же захотел лишить жизни затравленного жизнью неудачника, у которого полка телевизионной тумбы забита старыми видеокассетами с порнофильмами?»

День рождения отметили почти по-семейному. Пришли, как обычно, самые близкие друзья. А их, как в очередной

раз выяснилось, у Веры всего двое – Илья с Инной. Только они были у нее и в прошлом году, и в позапрошлом. Ах нет, два года назад еще присутствовал Бережной, который неожиданно для всех напился и стал приставать к Илье, требуя от того признания в том, что Цигалов на первых курсах неровно дышал к Вере. Илья молчал, незлобно усмехался и отворачивался.

– Да ты не мужик вообще! – разозлился тогда Женька. – Амеба какая-то!

Илья, разумеется, и это пропустил мимо ушей. Инна тут же заставила мужиков мириться, причем Цигалов первым протянул руку. Бывшие однокурсники еще раз выпили, уже за мир, и начали беседовать о чем-то уже спокойно. А Инна затащила Веру на кухню.

– Женька, в сущности, прав, – начала она шептать в ухо Веры. – Меня и саму порой Илья достает своим пофигизмом. Его как будто ничего не интересует. Ни футбол, ни бабы, ни выпивка. Все вечера напролет сидит и готовится к своим арбитражным заседаниям, читает дела. А там жуткая скукота! Как с таким жить?

Правда, Инна жила не только с Ильей, и Вере это было известно.

– А в остальном у тебя как? – спросила она.

– Да все нормально, – ответила подруга, – жду повышения по службе.

У них не было тайн между собой, поэтому и Инна знала о

существовании в жизни Веры Миклашевского. Особенными подробностями та, конечно, не делилась, сообщила только однажды, что переспала с начальником. Инна, услышав тогда эту новость, сделала круглые глаза, как будто не ожидала подобного от близкой подруги. И потом позвонила как-то:

– Только что в криминальных новостях брали интервью у начальника следственного управления по фамилии Миклашевский. Это не твой, случайно?

Вера пораздумывала немного, стоит ли признаваться, но, раз уж проговорилась, чего уж теперь юлить, и подтвердила:

– Он самый.

– Ничего, симпатичный. Мужественный такой. А, случайно, не он вербовал на последнем курсе наших мужиков в ментовку, когда попалась ты?

– Ну да, – сказала Вера.

– И как он?

Инна была очень любопытна. Только плохо умела хранить тайны.

В прошлом году, когда отмечали Верин день рождения, она при муже спросила:

– Слушай, а ты продолжаешь вести дневник?

Именинница сделала вид, что не понимает, о чем речь. Подруга начала удивляться ее забывчивости, и тогда Вере на помощь пришел Илья, предложив сходить в супермаркет и взять еще вина.

Из дома вышли втроем. Не спешили никуда, болтали.

Очередь к кассе была небольшой, но тут Инна спохватилась, что через пять минут перестанут продавать спиртное, схватила бутылку и, распихивая всех, извиняясь, объясняя, что у нее сегодня день рождения, а работать приходится допоздна, ринулась вперед. Вера пошла следом. Вдруг какой-то человек схватил ее за локоть и, развернув к себе, выдохнул в лицо грязное ругательство. Нельзя сказать, что Вера не слышала подобных слов прежде, но незнакомец произнес их с такой злостью, что похолодела спина. Она видела совсем рядом полные ненависти глаза, и на мгновение ей показалось, что мужчина ее ударит. И почему он набросился именно на нее, а не на Инку? При этом ведь не походил на маргинала: не пьян, одет аккуратно. Вера отскочила в сторону, поспешила отойти подальше. Инна все слышала и видела. Но молча заплатила за вино и бросилась к выходу, где поджидал Илья.

– Ты должен отмолотить вон того гада как следует, – стала требовать она, – он только что грязными словами обругал Верку. Заведи подонка за угол и врежь ему как следует. А потом ногами, ногами...

Цигалова даже показала, как надо делать. Однако Илья взял жену под руку, кивнул Вере, чтобы следовала за ними, и пошел прочь.

Это случилось год назад. Теперь же Вера купила вина с запасом. Инна, тоже помня о прошлогоднем случае, принесла с собой бутылку мартини.

Особого веселья не получилось. Вера рассказала друзьям

о своих неприятностях — что ее сняли с должности, перевели в участковые. Илья вздохнул сочувственно, а Инна возмутилась:

— Скоты какие! А этот твой Миклашевский хорош! Мог бы защитить тебя, ведь...

Вера толкнула Инну под столом ногой. Ей не хотелось, чтобы Илья знал подробности ее отношений с начальством. Цигалова «намек» поняла, покосилась на мужа, но все равно не могла остановиться:

— Заведи себе нормального мужика. Такого, чтоб быть за ним как за каменной стеной, чтобы ничего сама...

Но вдруг посмотрела на Илью и вздохнула:

— Только где такого найдешь?

Илья понял слова жены по-своему и разлил шампанское по бокалам. Инна наблюдала за его действиями так внимательно, словно тот собирался сделать что-то противозаконное. Потом взяла свой бокал и сказала:

— Наплюй на всех, подруга. А теперь тост.

Цигалова снова покосилась на мужа, а потом громко и с чувством продекламировала:

Какими были мы, такими и остались.

Любуясь красотой наших тел,

Пусть сохнут те, кому мы не достались,

Пусть сдохнут те, кто нас не захотел!

Выпили молча. Веселее на душе у Веры не стало. Илья то-

же произнес какой-то глупый тост – за того, кого Вера встретит в своей жизни, за того, кто ходит сейчас где-то, возможно, совсем неподалеку.

– Где ж его встретить-то? – вздохнула именинница, грустно глядя на подругу.

– А ты оглянись и посмотри получше, – посоветовала Инна без особой уверенности в голосе.

Было не по-семейному, было тоскливо. Праздник не получился. Праздник – это когда на столе пусто, а душа все равно поет. Праздник – это когда стол ломится от яств, а гостям не до угощений. Когда есть что с интересом обсудить и чему порадоваться вместе.

После ухода гостей Вера убирала в холодильник оставшиеся закуски, мыла посуду и вспомнила свое унижение. Поняла, что Миклашевский ее обманул – через год он не возьмет ее обратно, иначе бы не «продал» Горохову. Хотя... Иван Севастьянович ведь не предлагал ее тому в качестве любовницы, просто согласился, что Горохов проявит инициативу, а он не будет мешать. Но Цигалова, пожалуй, права: хорошего и порядочного мужика сейчас не найти.

Муж порой проявлял заботу, делал Вере подарки, но так, словно выполнял какую-то обязанность или проводил необходимый для семейной жизни ритуал. А Миклашевский... Впрочем, она никогда не думала о нем как о возможном муже.

Полковник не задавал ей вопросов, о чем думает Вера.

Вернее, спрашивал, конечно – по служебным делам. Даже в постели как-то спросил: «Что ты собираешься делать со взяточником Манукианом из мэрии? Может, закроем дело по семьдесят пятой в связи с деятельным раскаянием?» Миклашевский мог говорить о чем угодно, не задумываясь, интересует это Веру или нет. Даже о жене своей мог распространяться. Сообщил однажды, что договорился с кем-то из отдела народного образования о назначении ее директором школы. Вероятно, Иван Севастьянович заботливый муж, но Вере он не нужен. Скорее всего, Миклашевский уже остался в прошлом. А кто нужен?

Была у нее короткая связь прошлым летом на отдыхе в Турции. Не связь даже, а так, не пойми чего. Лучше бы и не вспоминать, постараться забыть поскорее...

На гостиничном пляже располагалась волейбольная площадка, и Веру затащили играть. Все играли хорошо, а Вера в основном уклонялась от летящих в нее стремительных подач. Один из игроков, высокий и мускулистый, словно специально метил в нее. Выпрыгивал над сеткой, как будто даже зависал в воздухе на какое-то время и хлестко бил по мячу.

Вечером парень подошел к ней в баре, извинился и признался, что действительно делал это специально – хотел обратить на себя ее внимание. Вера, конечно, его простила. Они долго пили виски с колой, потом разошлись по своим номерам, договорившись утром встретиться на пляже. Встретились, провели вместе день. Как потом оказались

вдвоем в ее номере, Вера помнила плохо. А через день отпуск у нее закончился. Максим же еще оставался в отеле. Обещал потом позвонить, но, видимо, вернувшись домой, пришел в себя и решил не ломать свою жизнь. Что он там говорил? Занимается бизнесом, особых доходов нет, но и не бедствует; женат, но в отпуск полетел один, так как в последний момент заболела теща, и жене пришлось сдать свой билет, наказав ему отдыхать за двоих. Парень отдохнул, развлекся. Вот и все.

Еще когда Вера на первом курсе училась, был у нее Слава Сержантов с кафедры международного права. Хотя его можно не считать. Встречались всего неделю, потом он пригласил ее в свою комнату в общежитии. Вера позвонила маме и сказала, что у Цигаловой будет готовиться к зачету. Слава всю ночь не давал ей спать, но ничего у него не вышло – Вера сопротивлялась, обещая в другой раз уступить. Он, разумеется, не верил, потому что понимал: другого раза не будет. Утром у нее болели руки, уставшие сдерживать яростный напор, но Вера была довольна своей стойкостью. Слава к ней ни разу больше не подошел ни на факультете, ни на улице. Правда, всем рассказал, что той ночью было все, и некоторые его друзья оборачивались на проходящую мимо Веру, чтобы получше ее разглядеть. Это было особенно неприятно. Вера тогда написала в своем дневнике: «Уж лучше грешной быть, чем грешной слыть». Написала неискренне, просто когда-то прочитала сонет Шекспира и строчка врезалась в па-

мать. Кстати, Бережной потом признался, что тоже слышал от кого-то про то, что Верка переспала с пятикурсником. Но у него-то была возможность удостовериться в обратном.

«Как, всего три мужика за всю жизнь? – удивилась Вера, как будто только сейчас об этом узнала. – Ну, пусть даже три с половиной. У Цигаловой до брака в десять раз больше. Первым был одноклассник, с которым Инка давно дружила. Она устроила для него ночь расставания перед отъездом на вступительные экзамены. Или для себя устроила. Вернулась через год, а парня в армию забрали. Но за прошедшие десять месяцев учебы в ее постели побывали парочка студентов с филологического, студент-социолог, таможенный брокер, актер из никому не известного театра, требовавший утром, чтобы Инка сбегала за пивом, морпех со шрамом на животе, мужчина, выдававший себя за директора овощного рынка, сын директора нефтяной компании, который тихо исчез под утро, прихватив с собой Инкины золотые украшения, водитель такси, администратор ночного клуба и два парня, непонятно кто, с которыми будущая Цигалова познакомилась в баре, – ужас, сразу с двумя! – а еще тренер по фитнесу. Хотя тренер не в счет. По словам Инны, у него ничего не получилось, несмотря на накачанные мускулы. А может, она это все выдумала?»

«Наверняка выдумала, – решила Вера. – Ведь я тоже сочиняла что-то и даже в дневники записывала всякую чушь. Кстати, а где они?»

Почему-то вдруг захотелось найти те тетрадки. Полистать их, а потом снова спрятать понадежнее. Или вообще избавиться от них, чтобы не ворошить воспоминания о прошлой жизни, переполненной разными глупостями.

Взяв стул, Вера влезла на него и открыла дверцу антресоли. С краю лежали пакеты со старыми тряпками, которые жалко было выбрасывать. За ними оказались обувные коробки. В одной из них и должны быть дневники. Но рука уже не доставала. Вера спрыгнула со стула, и вдруг до нее дошло: ну вот зачем она в свой день рождения, проводив гостей, вместо того, чтобы лечь и отдохнуть, роется в пыльном шкафу под потолком, чтобы найти то, что точно следовало давно выкинуть?

Ощувив себя полной дурой, Вера рухнула на стул и — неожиданно для себя заплакала.

Утром она вышла из дома и поспешила в отдел полиции. Вдоль дома навстречу ей шла парочка бомжей, мужчина и женщина, которые катили перед собой тележку с перетянутыми веревкой листами упаковочного картона. Увидев Веру, оба отвернулись и стали разглядывать что-то на газоне. Испугались, конечно, не ее, а полицейской формы. Вера поспешила пройти мимо, но в последний момент остановилась и вновь посмотрела на парочку.

— Господа, я здесь новый участковый. Если какие проблемы будут, обращайтесь.

Мужчина и женщина повернули головы и уставились на нее. Наверное, их лица выражали крайнее изумление, но об этом можно было лишь догадываться, поскольку мешал слой грязи на коже. К тому же у мужчины была рассечена бровь, и под глазом светил огромный фонарь, а у женщины через всю щеку шла серая от впитавшейся пыли царапина.

– Хорошо, – кивнул мужчина.

– И еще. – Вера показала на свой дом и спросила: – Я здесь живу. Так вот, давайте-ка сегодня вечером... Хотя чего тянуть? Пошли сейчас.

Она привела обоих к двери своей квартиры – бомжи не стали заходить, остались на пороге. И смотрели через дверной порог, как Вера принесла с кухни стул, встала на него, а потом сняла с антресоли два огромных пакета.

– Здесь ненужные мне вещи. И от мужа кое-что осталось. Возьмите себе. А что не подойдет, сможете продать. Муж носил очень дорогие костюмы и никогда их не занашивал.

Вместе они спустились по лестнице. Перед выходом во двор Вера обернулась и посмотрела на объявление, которое повесила накануне: «Потерявшего связку ключей с брелоком прошу позвонить по указанному номеру».

Глава 5

Вечером сладкая парочка бомжей, которым Вера отдала старую одежду, появилась у нее в кабинете опорного пункта. На женщине теперь были голубые итальянские джинсы со стразами на карманах и почти не мятый велюровый пиджачок, из-под которого выглядывала декольтированная маечка с перламутровыми блестками. Бомжиха оказалась не толстой и без труда влезла в Верины вещи, и если бы не царапина на лице, походила бы на обычную молодящуюся дамочку, следящую за своим гардеробом. Ее приятель неплохо смотрелся в костюме, сиреневой рубашке и лиловом галстуке.

– Ботинки немного великоваты, – сказал бомж, показывая на итальянские туфли из оленьей кожи, – но с шерстяным носком в самый раз.

Затем он шагнул к столу и положил перед Верой пятитысячную купюру.

– Что это? – не поняла участковый инспектор.

– Так мы один костюм продали, – объяснила женщина. – Пришли на вещевой рынок и показали торговцу. Тот сразу предложил пять. Но мой Толик сказал, что меньше чем за двадцатку не отдаст. «Бриони» как-никак... На десятке остановились. Вот ваша доля.

– Заберите, – покачала головой Вера, – вам деньги нуж-

нее.

Бомжи спорить не стали. Женщина спрятала купюру в карман джинсов, а мужчина, оглядев помещение, спросил:

– А муж-то чего костюм носить не захотел?

– Он носил, но недолго, а потом ему кто-то сказал, что на нем он плохо сидит.

– Соврали, – усмехнулся бомж. – «Бриони» всем к лицу. Но все равно передайте ему от нас глубокую благодарность.

– Его убили.

Женщина бросила короткий взгляд на Веру. Потом обернулась к своему спутнику, словно хотела проверить его реакцию.

– Бывает, – веско произнес тот. – Но вы одна не останетесь. Вон красивая какая, несмотря на то, что в полиции служите. А вообще, если помощь от нас нужна, то мы всегда пожалуйста. Только стучать не просите. А то Василий Петрович, что до вас участковым был, прям с ножом к горлу приставал.

– Стучать не заставляю. Если захотите что сказать, сами сообщите. А вам я и так помогу, если что.

Мужчина кивнул. Затем посмотрел на подругу:

– Давай-ка, Жанка, наведи здесь порядок.

Оказывается, они бывали в опорном пункте не раз и уборку делали. Удивительно только, почему помещение выглядело так, словно тут не подметали никогда.

Жанна приступила к работе. Вера, чтобы не мешать ей,

вышла в предбанник. Бомж следом за ней.

– Меня, кстати, Толиком зовут. Еще Универмагом кличут. Вот такое глупое погоняло приклеили. Хотя что ж, не хуже других. Я ж в былые время товароведом был. Между прочим, техникум торговый окончил. Потом накрыли за хищение. Не меня одного, разумеется. Весь коллектив. «Паровозом» у нас директор шел, но его-то как раз адвокаты отмазали. А меня и других, кто бирки на товаре менял и паковал, посадили. Давно это было, восемнадцать лет назад. Теперь-то никого не волнует, сколько просишь за товар. Хотят – покупают, хотят – мимо проходят. А я на три года на «кичу» угодил. Жена со мной развелась, квартиру быстренько продала и укатила. Освободился я и поначалу на овощебазе кантовался. Там и деньги платили, и фрукты с овощами всегда налево можно было спихнуть. Жилье опять же. Ангар неотапливаемый, конечно, но грелочку положишь под бок, и тепло вроде. Да только турнули в конце концов оттуда, и с тех пор бичую. Хотя нет, еще полтора года на зоне парился – за сопротивление сотрудникам милиции. А когда освобовился, как раз с Жанкой познакомился, семь лет скоро.

– Еще немного, и юбилей будет, – сказала Вера.

Бомж кивнул.

И тогда Вера на всякий случай произнесла:

– Вчера тут неподалеку мужчину убили. Прямо на лестнице в подъезде, в котором он проживал.

– Я в курсе, – снова кивнул Толик. – Минусевич его фа-

миллия. Свои же, гомики, видать, по башке ему и дали.

– Откуда такая информация? – удивилась Вера.

– Так я очень наблюдательный. Про то, что он педик, мне пацаны беспризорные рассказали. Минусевич их на съемку подписывал. Некоторые согласились: он по косой обещал, но рассчитался по пятихатке. И еще сникерсов и конфет напихал им по карманам.

– А где студия находится, мальчишки вам не сказали?

– Не-а, – с едва заметной усмешкой ответил бомж.

Вера поняла, что врет.

– Не хотите говорить, не надо. Я и сама найду. Время, конечно, придется потратить, но да ладно. Жалко только, что другие еще дети пострадают.

Толик заглянул в комнату, где его подруга, закатав джинсы до колен и сняв пиджачок с гламурной маечки, мыла пол.

– Не пострадает больше никто, – сказал мужчина, не оборачиваясь к Вере, – сгорела та долбаная студия. Она в подвале была. Там до того что-то вроде игрового зала располагалось. До самого пожара в одной комнате игровые аппараты хранились, а в других шикарные кровати, джакузи, стойка барная – красота, одним словом. Нам бы с Жанкой такой подвальчик, Роман Абрамович от зависти бы лопнул. А так все дотла спалилось вместе с аппаратурой, лампами разными.

– Но ведь если это был подвал жилого дома, то могли пострадать невинные люди.

– Нет, – ответил бомж, по-прежнему глядя в сторону, – не могли. Когда полыхнуло, кто-то сразу в пожарку позвонил. Только подвал и выгорел.

– Хорошо, если так. Впредь только осторожнее будьте.

– Мне-то что, – отмахнулся Толик, – это Минусевич тогда попал на бабки. Хотя теперь что вспоминать... Ладно, пойду Жанне помогу.

Новые знакомые продолжали уборку, а Вера вышла из предбанника на улицу и посмотрела на вечеряющее небо. «Как все просто, – подумала она. – Случайно встретила людей, и те назвали причину убийства, которое вряд ли бы раскрыли когда-нибудь. Да и сейчас, вероятно, исполнителя не найдут. Но хоть какая-то надежда появилась. Минусевич был убит двумя ударами по голове. Били тупым и тяжелым предметом. Уже первый удар оказался смертельным, второй нанесен уже умирающему. Из карманов вытащили все ценное, чтобы следствие приняло произошедшее за грабеж. И орудие убийства, и похищенное наверняка выбросили. Ближайший мусорный контейнер осмотрен, но в нем ничего не обнаружено. Ну да, вряд ли убийца стал бы избавляться от улик в том же дворе. А машина погибшего осталась на месте, хотя отдай преступники практически новый «Пежо» на запчасти, получили бы прибыль куда большую, чем бумажник с парой тысяч рублей. Если, конечно, Минусевич не имел при себе большей суммы. Так что версия о мести коллег, занимающихся производством и сбытом детского порно, мо-

жет быть единственной достоверной. По телефонным звонкам можно будет определить, с кем связывался убитый, навести справки обо всех и установить наблюдение за подозрительными личностями. В общем, не все потеряно. А исполнитель, скорее всего, нанятый человек, не знакомый с жертвой. Вероятно, даже приезжий. Прибыл – убыл. Такая вот командировка получается...»

Двери открылись, и на улицу вышли Толик с Жанной.

– Спасибо, – сказала им вслед Вера.

– Это вам спасибо, – откликнулась женщина. – Пока на нас все новенькое, даже сфотографироваться хочется, чтобы запечатлеть свою красоту.

Они сделали еще несколько шагов. И вдруг Толик вернулся. Подошел к Вере, негромко произнес:

– Я вчера был в том дворе. Кабель там заныкал, только ему все равно кто-то ноги приделал. Но зато видел, как приехал Минусевич, как в дом вошел. А потом, через минуту-другую, из подъезда вынырнул человек в курточке с капюшоном на голове, хотя дождя не было. Мимо меня прошел, повернул за угол. И я туда же. Но мужик подошел к машине, снял куртку, бросил внутрь, потом надел плащ. Сел и уехал.

– Марка автомобиля и цвет?

– Цвет серебристый, а вот в марках я не разбираюсь.

Толик обернулся к подруге и крикнул:

– Какая вчера машина была?

– «БМВ» седан, пятерка. Серебряного цвета. То есть се-

ребристого.

– Ну вот, – улыбнулся Толик. – Жанка у меня все журналы про красивую жизнь просматривает. Журналы с помоек, разумеется. Но если честно, то там им и место. А что касается того мужика... Высокий, выше метра восьмидесяти, лет тридцать – тридцать пять, очень спокойный и уверенный, неторопливо все делает. Снял куртку, надел плащик – и все не спеша, как в универмаге на примерке.

Вернувшись в кабинет, Вера позвонила районным следователям. Трубку снял Карасев – тот, что был накануне на выезде. Она продиктовала ему все, что услышала от Толика, а потом поинтересовалась:

– А у вас что?

– Проверили близких родственников на предмет интереса к наследованию квартиры. Но, кажется, в этом направлении глухо: у покойного имеется лишь незамужняя сестра сорока одного года, постоянно проживающая на своем хуторе в Белоруссии, которая не знает даже, где ее брат и жив ли был до сих пор вообще. А среди постоянных абонентов на трубке есть двое ранее судимых: один за вымогательство, а второй... то есть, вторая... – за содержание притона и вовлечение в занятие проституцией. Соседей проверили... Будете в отделе, заходите – поговорим.

Весь день Вера носилась по участку, изучая его и знакомясь с людьми. Ее интересовали продавцы в стеклянных уличных павильонах, которые всегда знают постоянную кли-

ентуру, буфетчики в пивных забегах, дворники и старушки на скамеечках у подъездов. Уже вечером вспомнила о приглашении следователя и направилась в отдел. Ноги гудели, уже давно Вере не приходилось так много ходить.

Она как раз пересекала очередной двор, когда мимо проскочил человек. Рассмотреть его не удалось, но что-то в нем показалось знакомым. Она обернулась, увидела только спину и сообразила: это был понятой – сосед убитого Минусевича по площадке. Спина была широкая, мужчина высок ростом. «Хм, вообще-то симпатичный», – подумала Вера. И тут же отогнала эту мысль, потому что в очереди стояли уже другие – куда поважней.

В магазин Вера зашла по привычке – сделала то, что обычно делала, возвращаясь домой из управления. Уже стояла в торговом зале возле прилавка с замороженной рыбой, как вдруг вспомнила, что холодильник забит провизией. И разозлилась на себя оттого, что пришлось сделать крюк, пройти лишние полкилометра. Повернулась, чтобы покинуть магазин, и вновь увидела за стеклянными дверями спешащего ко входу того самого соседа, который представился ей частным детективом. Надо же, второй раз за день встречается его...

Вера вышла из магазина, сделала несколько шагов и остановилась. Мужчина хотел проскочить мимо. Но он заметил Веру еще раньше и сейчас понял, что та узнала его, а потому изменил направление и подошел.

– Добрый вечер. Вы еще на службе или уже нет?

– Как раз домой собралась.

– И я вот освободился сегодня пораньше. Уже подошел к парадному, как вспомнил, что в холодильнике хоть шаром покати. И решил пельмешек взять.

– Не надоели пельмени?

Частный детектив пожал плечами:

– Еда как еда. Приходилось и похуже пробовать.

И тогда Вера решилась.

– А у меня дома полно всего, – сообщила она. – Наготовила вчера для гостей, а друзей всего двое пришло. Выбрасывать жалко.

«Похоже, навязываю ему свое общество, – мелькнуло у Веры. – Ведь человек еще днем проскочил мимо, словно не заметил меня».

– Так что приглашаю, – добавила она уже по инерции, надеясь, что малознакомый мужчина тут же откажется.

Но частный детектив посмотрел на нее и кивнул.

– Принимаю ваше приглашение. Но только с одним условием – в следующий раз ужинаем у меня.

– Когда-нибудь, – согласилась Вера.

Они сидели за накрытым столом, разговаривали и пили вино. Владимир немного переживал оттого, что Вера вроде как отмечает свой день рождения, а он оказался у нее в гостях без подарка. После каждого тоста он говорил одно и то же: «Подарок за мной!» Наконец Вера не выдержала и по-

просила его не повторять эту фразу, а то она начнет подсчитывать, сколько всего подарков он ей должен. Владимир кивнул. И вдруг полез в карман, из которого достал какую-то коробочку. Протянул Вере с объяснением:

– Там внутри булавочка-маячок. Достаточно прикрепить его к одежде вашего объекта, и потом можно проследить на компьютере или на мобильном телефоне его перемещения.

Вера взяла, но сказала, что шпионская штука вряд ли ей пригодится. Но все равно поблагодарила.

– Только это не подарок, а презентационная раздача, – ответил гость.

– Так вы занимаетесь слежкой... – догадалась Вера. – Простите, наружным наблюдением.

– И им тоже. У меня небольшое сыскное бюро, мы разыскиваем пропавших людей или пропавшие вещи. А поначалу хватались за все. Как-то к нам обратилась некая дама, у которой потерялась собачка. Хозяйка уверяла, что ее любимицу украли, и предлагала любые деньги за помощь. Вроде действительно такими вещами заниматься, но я согласился. Как ни странно, хорошее дельце получилось. Собачку у дамы и в самом деле похитили, а потом позвонили и потребовали выкуп.

– Смешно.

– Ага, – усмехнулся Владимир. – Особенно если учесть названную сумму – полсотни тысяч евро. Но дама согласилась их дать! Связалась со мной и сообщила, что отказыва-

ется от наших услуг, мол, все само собой разрешилось, собачка нашлась. Пообещала пять тысяч евро за беспокойство. Отказалась и отказалась. Но мы, поскольку уже начали поиски, все же взяли похитителей. Серьезными людьми оказались. Кража собачки для них просто развлекухой была – без опасной, как они думали. А вообще негодяи похищали людей. За двоих получили выкуп, но похищенных не вернули. Когда мы их брали, в подвале загородного дома, где преступники скрывались, обнаружили девочку, дочь одного из московских богачей, которую вся полиция страны искала. Тот уже готовил выкуп, потому что ему все время сбрасывали на телефон видеозапись, на которой дочка умоляла папу спасти ее.

– Про девочку я слышала, – призналась Вера. – У нас даже приказ министра зачитывали о поощрении сотрудников за профессиональные и умелые действия по ее освобождению.

– Я рад, что кто-то орден получил, – улыбнулся Владимир. – А нам досталось нечто более материальное. У меня трое сотрудников без жилья были. А теперь с семьями переехали в благоустроенные квартиры. Живут все в одном доме и радуются.

– А сами почему снимаете? – удивилась Вера.

– Да и я себе приобрел, причем неплохую, в центре города. Но именно это не очень удобно оказалось. А к тому же выяснилось, что в той квартире убили известного адвоката. Поначалу мне было все равно, а потом я решил не жить там

и выставил квартиру на продажу.

– Фамилия убитого адвоката случайно не Бережной? – тихо спросила Вера.

– Вы его знали?

– Я была за ним замужем.

– Простите...

– Ничего страшного. Мы, так сказать, разбежались, и он уже сошелся с другой женщиной, которая, вероятно, и продала вам квартиру.

– Я купил апартаменты через агентство, но женщину, о которой вы говорите, видел – передавал ей деньги за покупку. Встретились в депозитарии банка, и она проверяла каждую купюру на детекторе. А купюр было много, как вы понимаете, так что общались час почти. Потом она убрала деньги в арендованную ячейку, оглядела меня с ног до головы и вдруг предложила поужинать вместе. Честно скажу: на убитую горем вдову мадам похожа не была.

– Да и бог с ней.

Разговор продолжался уже на другие темы, и неожиданно Вера поняла, что ей интересно находиться рядом с этим человеком, которого совсем не знает. Она уже не чувствовала усталости, навалившейся в конце рабочего дня, и ни разу не взглянула на часы, потому что время не имело значения. Один раз течение беседы нарушил звонок Инны Цигаловой, но Вера сразу сбросила вызов, успев произнести только: «Я занята».

– Работа как работа, – ответил на ее очередной вопрос Владимир, – не тяжелее вашей. Только мне кажется, что вас могли бы использовать в полиции и на других должностях, не понижать до уровня участкового инспектора.

– Поиспользовали и выбросили, – усмехнулась Вера.

Потом подумала и рассказала вкратце, что с ней случилось. Про свое близкое общение с Миклашевским промолчала, разумеется.

– Печально, – вздохнул Владимир. – Теперь придется каблуки сбивать и подошвы стирать. Участок-то не маленький.

– Думаю машину купить, – неожиданно для себя сказала Вера.

Вообще-то у нее и в мыслях такого не было, фраза вырвалась как бы сама собой. Но упрямо продолжила:

– Конечно, недорогою, и то в кредит. На первый взнос наскребу, вероятно. Можете какую-нибудь модель посоветовать?

Владимир обещал подумать.

А Вера вдруг вспомнила.

– Когда я предложила вам быть понятым, вы не сразу согласились. Мне показалось даже, что вы откажетесь, скажете что-нибудь вроде, что были под судом или...

Она взглянула на своего собеседника и не стала договаривать. А Владимир смотрел на нее пристально, словно изучал. Потом дернул плечом, что могло означать все, что угодно. Однако Вера поняла правильно и спросила:

– А как же тогда удалось открыть предприятие, оказывающее охранные услуги?

Гость усмехнулся. И ответил не сразу.

– Так я не так давно попал под статью. В квартире одного чиновника мы решили установить скрытое видеонаблюдение, а там уже имелась камера. Вот на меня и попытались повесить незаконное проникновение в жилище. Но, слава богу, все утряслось. Чиновника задержали при получении крупной взятки, и с меня сняли обвинение.

– Я и не сомневалась, что с вами произошло нечто подобное, – кивнула Вера. – Вы не похожи на уголовника.

Владимир опять задумался. Через минуту посмотрел на нее пристально и произнес:

– Хочется быть честным перед вами, потому что мне кажется, не в последний раз видимся...

Гость улыбнулся и снова замолчал. Поднялся из-за стола, подошел к окну. Выглянул во двор, поправил штору и обернулся к Вере.

– На самом деле я не только находился под судом, но и осужден был. Правда, до места отбывания наказания меня не довезли. Вовремя пришло помилование.

– И какую же статью вам инкриминировали?

Владимир явно размышлял, стоит ли выкладывать и такие подробности. Размышлял достаточно долго и все же ответил на вопрос:

– Не одну. Двести пятую, двести восьмую, двести девятую

и все, с ними связанное.

Вере показалось, что она ослышалась или ее разыгрывают.

– Вы ничего не путаете? – переспросила она. – Вам вменялись терроризм, организация незаконных вооруженных формирований и бандитизм?

Владимир кивнул:

– А также триста пятьдесят четвертая была. Плюс триста пятьдесят шестая, триста пятьдесят девятая и еще несколько. Призывы к войне, применение запрещенных методов ведения войны, наемничество... – перечислял гость. – Я получил пожизненный срок. Но, как уже говорил, меня освободили от наказания. Потом я сменил фамилию и место жительства.

Вера молчала, потому что не знала, что говорить.

– Ладно уж, откроюсь до конца, – вздохнул Владимир. – Никому не рассказывал, только несколько самых близких людей это знают. На втором курсе военного училища меня вызвали для беседы. На Кавказе тогда шла война, и кто-то, изучив мое личное дело, узнал, что я вырос в тех местах и свободно говорю на аварском и даргинском, могу общаться на лезгинском, на табасаранском, есть и такой язык, а главное – на чеченском. Просто я воспитанник интерната, где жили дети из разных районов. Это был, кстати, спортивный интернат. А в Дагестане и без того для мальчиков самый важный урок в школе – физкультура. Но они развивают силу и ловкость, умение драться не только на физкультуре, но и на других уроках, а также на переменах. В семнадцать лет я стал

мастером спорта, так что в военное училище меня приняли легко, несмотря на отсутствие знаний. Пришлось наверстывать. И тут как раз мною заинтересовались. Как могли, подготовили и отправили туда, на Кавказ. Почти сразу я попал под начало одного известного в Ичкерии бригадного генерала, а потом оказался в специальном отряде, где готовились бойцы для действий в России. Простым парнем я не был, а потому мне удалось кое-что. Когда начались провал за провалом, подозрения менее всего падали на меня, хотя многим было известно, что я не чистокровный чечен. Кстати, я знал Коран лучше тех, кто был рядом. И комментировал айяты, в том числе и инструкторам-арабам, чтобы донести до сознания слово пророка. У меня даже прозвище было – Имам. Под этим именем я и был объявлен в федеральный розыск. Каждый спецназовец слышал обо мне и знал, что при задержании можно стрелять на поражение. Когда мою группу взяли, командир отряда ходил, заглядывал в лицо каждому и спрашивал: «Где Имам?» Я поднялся с колен и тут же получил такой удар, что упал, а меня уже добивали ногами. Уворачивался, пока мог, ничего не видел, слышал только, как матерились спецназовцы. И как шептали чечены, которых я сдал: «Держись, брат, Аллах с тобой!» Потом были следствие, допросы. Те, кто отправлял меня в Чечню, почему-то не спешили своего тайного агента вытаскивать, так что на закрытом заседании военного суда я сидел рядом с теми, кого предал. И только я один получил пожизненный срок. Ну, а по-

том освободили, и я выбрал для проживания этот город.

Вера не могла произнести ни слова, не зная, верить или не верить тому, что услышала. Вот так запросто человек, не знающий ее совсем, поведал ей вещи, о которых следует молчать? Неужели все это правда?

– Кстати, – снова заметил Владимир, – пару лет назад в метро я случайно встретил того самого командира спецназа, который брал мою группу. Поздним вечером он сидел в пустом вагоне напротив меня, поднял глаза и обомлел. Узнал сразу и не поверил глазам, вероятно. Мне нужно было ехать до конечной, ему тоже. Я вышел, мужчина за мной. Я обернулся возле открытого кафе и говорю: «Ну, ладно, пойдем пивка хряпнем, раз уж ты за мной увязался». Только тогда он поверил, что обознался.

– Попили пива? – спросила Вера.

– И не только. Собутельник про Чечню начал рассказывать. В том числе про то, что лично взял главного террориста, рядом с которым Бен Ладен или Хоттаб – дети малые. Он за меня, оказывается, «Героя России» получил. Хороший парень.

– Владимир, – тихо сказала Вера, – мне так неудобно просить...

– А в чем дело?

– Давай перейдем на «ты», – произнесла Вера и почувствовала, что вот-вот расплачется.

– Давно готов, – кивнул Владимир.

Слезы все-таки удалось удержать.

Они выпили еще по бокалу вина, а потом Владимир поцеловал ее ладонь.

– Для первого раза достаточно. Прости, Вера.

Она вызвалась его провожать. Не в форме, конечно, поспешила переодеться.

Дошли до его дома, а по дороге Вера рассказала все, что узнала от бомжа Толика. Потом уже Володя провожал ее. Стояли возле парадного, и Вере не хотелось расставаться. Похоже было, что мужчина чувствует то же самое. Но был уже третий час ночи, и Владимир наконец отправился домой. Уже без сопровождения.

Вера вошла в свою квартиру, прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Зачем она отпустила его? Но, с другой стороны, что можно было сделать? Не оставлять же его у себя... А вдруг Владимир исчезнет так же внезапно, как и появился в ее жизни? Вдруг она проснется завтра, и уже ничего не будет, останется лишь его номер телефона, занесенный в память мобильного? А вдруг и номер сотрется, исчезнет, словно и не было его?

Она выхватила из кармана сотовый и набрала последнюю запись.

– Слушаю, – ответил голос Владимира.

– Это я, – произнесла Вера с облегчением, – просто хотела узнать, как ты.

– Подхожу к дому. А ты ложись поскорее и выпишь по-

лучше: завтра у тебя тяжелый день. Вечером поедem выбрать тебе автомобиль.

– Да, – прошептала Вера в трубку, потому что не знала, что еще можно сказать, когда счастье переполняет всю тебя с избытком.

Прошла в комнату и, ощутив сильное желание поделиться радостью с кем-нибудь, собралась было позвонить Инке Цигаловой. Но взглянула на часы и передумала. А так хотелось рассказать хоть кому-то, что происходит с ней сейчас... Раньше-то записала бы все в дневник. Хотя почему бы не сделать это сейчас? Кстати, а где он, дневник?

Глава 6

Утром в ее кабинет снова вошли Толик и Жанна. Притащили с собой большой букет роз. Толик держал двумя руками цветы, а Жанна коробку с тортом.

– Еще вчера вечером на рынке выпросили, – кивнула на розы Жанна. – Подвляли немного, но я дома...

Женщина осеклась, обернулась, посмотрела на приятеля и поправилась:

– То есть в подвале, где живем сейчас...

– Дома, – твердо произнес, перебив, Толик.

Жанна кивнула и закончила фразу:

– Я дома поставила цветы в банку с водой, и они отошли.

Розы в самом деле были прекрасны. И их было много. Вера воткнула в розетку электрический чайник, а когда вернулась к столу, на нем уже стоял торт.

– Знаете, мы в первый раз нормального мента встретили, – объяснила Жанна. – А то от них одни неприятности. Анатолий даже срок на ровном месте получил. Ехала патрульная машина, остановилась. Двое из нее вышли, и один без разговоров его по морде... то есть по лицу ударил. Покуражиться захотели. Побили и в машину засунули. В отделении решили пришить дело об ограблении, будто бы Толик в позднее время к людям подкатывал и отбирал мобильники. Да только потерпевшие его не опознали. Тогда составили протокол,

будто Толик сам напал на двоих патрульных.

– А на суде вы хоть правду сказали? – обратилась Вера к Анатолию.

– А кому я чего докажу? Судья девчонка молоденькая, кто только на нее эту мантию нацепил, непонятно. Да она и не слушала меня. Сейчас, говорят, карьеру сделала. Ну так десять лет почти прошло...

За дверью раздались тяжелые шаги. Потом кто-то покашлял, словно предупреждая о своем визите, и дверь распахнулась.

На пороге стоял Миклашевский с букетиком из трех тощих роз. Шагнул через порог, покосился на благоуханную роскошь, стоящую в пятилитровой банке из-под маринованных помидоров, скользнул глазами по Толику и Жанне. И снова посмотрел на них – теперь уже недоуменно, явно не понимая, кто перед ним. Уж больно не вязались дорогой костюм и бархатное платье с поцарапанными и посеревшими от частого употребления горячительных напитков лицами.

– Я к вам по делу, Вера Николаевна, – наконец произнес Иван Севастьянович, давая понять, что дела у полковников полиции могут быть только секретные, а потому посторонним лучше удалиться.

Жанна поднялась. Следом, с некоторой неохотой, встал со скрипучего стула и Толик.

– У меня тоже дела, – возразила Вера. – Эти граждане как раз и помогают их решать. Иначе я не смогла бы так быстро

войти в курс данного мне важного поручения и следить за порядком на ответственном участке вверенной мне территории.

Иван Севастьянович посмотрел на стол, на торт, на замызганный электрический чайник. Потом чуть-чуть нагнул голову, словно надеялся увидеть припрятанную под столом бутылку водки. И произнес проникновенно:

– Беседа очень важная для вас и не для посторонних ушей.

– Ладно, – кивнул Толик, – мы пойдем.

– До свидания, – произнесла Жанна с печалью в голосе, словно ей очень не хотелось оставлять Веру наедине с вошедшим полковником. Но на Ивана Севастьяновича женщина посмотрела очень внимательно.

Миклашевский проследил взглядом за парочкой, пока та не скрылась за дверью. Потом выглянул в предбанник. И, никого не обнаружив, плотно прикрыл створку.

– Короче, – произнес он, подходя к столу и выбирая, на какой стул опуститься, – твоя ссылка может сократиться. Районное управление доложило, что они вышли на след организаторов детской порнографии. Мы подключим в группу, которая будет заниматься раскрытием этого общественно опасного преступления, опытных сотрудников городского управления. В отчете упомянем и твои заслуги. Потом оформим на тебя еще какое-нибудь раскрытие или задержание опасного преступника... В общем, придумаем что-нибудь. Объявим благодарность, снимем ранее наложенное взыскание...

– Придумаем что-нибудь, – подсказала Вера.

– Ну, ты это... – начал было Миклашевский.

Но Вера не дала ему договорить:

– Не надо ничего для меня придумывать. И вообще мне здесь уже нравится.

– Ты что, обиделась, что ли? – не понял Иван Севастьянович. – Зря ты. Я ж от всей души. Заглянул специально, чтобы тебя с прошедшим днем рождения поздравить. Вечером загляну еще раз, к тебе домой...

– С Гороховым?

– При чем тут он? Ну, а если даже и с ним, ты против, что ли? Ведь он старался, перед начальством за тебя горой стоял.

– Вероятно, потому, что вы доложили ему: у меня с физической подготовкой все в порядке. Вы даже на тренажерах так не надрываетесь.

Миклашевский покраснел внезапно, и очень сильно. Оглянулся на дверь, снова посмотрел на Веру и перешел на шепот, хотя никого, кроме них, поблизости не было:

– Что за ересь? С чего ты взяла?

– Вы всегда так громко беседуете в своем кабинете... Секретарша наверняка все слышит.

– Какая секретарша? – продолжал притворяться непонимающим Иван Севастьянович. – Моя, что ли? Алка? Она тебе эту глупость сообщила? И ты веришь?

Вера посмотрела на дверь и обронила:

– Товарищ полковник, у меня дела.

– Гонишь, значит... – догадался Миклашевский. – А ведь я к тебе со всей душой.

Он посмотрел на чайник, на торт, но Вера и не думала предлагать ему чайку со сладким.

– Ну, ладно, – произнес Иван Севастьянович, поднимаясь, – если что надо будет, звони, помогу. Я не злопамятный.

Полковник шагнул к выходу, взялся за ручку двери и обернулся.

– А если я добьюсь того, что тебе вернут твой кабинет, все будет так, как раньше?

– Как раньше не будет, – покачала головой Вера. – И вообще ничего не будет.

Секунду подумала и добавила:

– Потому что я не вернусь. Сама уже не хочу.

– Быстро ты забываешь хорошее к тебе отношение, – бросил через плечо Миклашевский и вышел.

Потом хлопнула уличная дверь. И совсем еле слышно донесся звук мотора отъезжающей машины.

В конце дня Владимир подкатил к опорному пункту на красивом белом внедорожнике. Остановился, посигналил. Вера как раз закончила работать и вышла на улицу. Увидела остановившуюся машину, услышала сигнал, но почему-то не подумала, что это приехали за ней. Тогда Владимир вышел из автомобиля и распахнул перед ней дверцу.

– Прошу!

В машине пахло кожей и орхидеями. Вера, усевшись на сиденье, потрогала обивку и восхитилась:

– Шикарная машина! Чья она?

– Английская.

Внедорожник рванул с места легко и бесшумно. Вера знала, что они отправляются в автосалон, и потому сообщила Владимиру.

– Я сняла со счета сто тысяч. Как думаешь, на первый взнос хватит?

Владимир кивнул. Потом вдруг сказал:

– У твоего бывшего мужа был новый «Мерседес» стоимостью почти полторы сотни тысяч евро.

– Про «Мерседес» я в курсе, – кивнула Вера, – но не вникала в такие тонкости, как цена.

– Ну и правильно. Теперь на «мерсе» разъезжает судья. Правда, доверенность у нее просрочена, и она оформила себе другую – незаконно, разумеется. В этой связи у меня вызвала подозрение доверенность, выданная агентству матерью Бережного на продажу квартиры сына, но раз жалоб ни от кого не поступало, то пусть. Но с машиной у судьи явный прокол. Сегодня я встретился с ней и объяснил, что ездить на «Мерседесе» нельзя – у автомобиля теперь новый владелец. Судья ответила, что привыкла к «мерсу», и предложила взамен другой автомобиль – на мой выбор. Мне почему-то понравился этот.

– Замечательная машинка, – снова кивнула Вера. – В ней

очень удобно.

– Ты, видимо, не поняла, – улыбнулся Владимир. – Это твой автомобиль.

Вера удивленно посмотрела на Владимира, а тот следил за дорогой. Но, вероятно, почувствовал ее взгляд и объяснил:

– «Мерседес» твой по закону. Он и так был твоим наполовину в момент покупки, а на вторую половину могла претендовать бывшая свекровь, хотя по суду получила бы в лучшем случае четверть стоимости. Сожительница твоего мужа все посчитала правильно – твоих три четверти стоимости за минусом амортизации. В общем, судья вернула тебе то, что должна была.

– Так просто? – удивилась Вера.

– Конечно, решение далось ей с некоторым напряжением. При расставании она мило улыбнулась и сказала, что, очевидно, я не понимаю, с кем связался. Ну, мол, я уже дважды ее унизил: сначала отказался поужинать с ней, а затем – потребовал назад машину. И если я еще хоть раз окажусь у нее на дороге, меня очень долго будут искать.

– А если она узнает твое прошлое?

– Вряд ли такое возможно. Того, что я рассказал тебе, не знает никто. А тебе доверять можно – ты точно не предашь никогда. Я это сразу понял, как увидел. Теперь, если интересно, могу доложить, что мне удалось выяснить в отношении убийства твоего бывшего мужа. Ничего, что действовал без твоего ведома?

– У тебя же нет тайн от меня, и я не хочу ничего скрывать, – ответила Вера. – Следователь Евдокимов и мне кое-что рассказывал.

– Он поделился с тобой, вероятно, не всей информацией, потому что ты автоматически попадала в число трех основных подозреваемых. Причем значилась в данном коротком списке под номером один, ведь именно ты – основная наследница. А кроме того, в глазах общественности – брошенная жена с оскорбленным достоинством. Прости.

– Я не считала себя оскорбленной. Теперь даже рада, что Евгений ушел от меня.

– Так вот, подозревать мадам судью никто не отважился. А может, майор Евдокимов после долгих и мучительных раздумий сделал вид, что женщине, которая нашла для себя удачливого молодого и красивого мужчину, нет смысла убивать его: ведь, во-первых, она знала, что тот ее не бросит, а во-вторых, незачем резать курицу, несущую золотые яйца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.